
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Виктор Вогман. Пушкин и Николай I. Исследование и материалы.
СПб.: Нестор-История, 2019. — 260 с.

Являлся ли Николай I антагонистом Пушкина, или поэт, согласно мнению его современников, царем был обласкан? Поэт и литературовед Виктор Вогман (Есипов) рассматривает взаимоотношения Пушкина и императора Николая I исключительно на документальной основе. Это расположенные в хронологическом порядке извлечения из переписки поэта с друзьями, знакомыми и официальными лицами и дневниковые записи Пушкина, содержащие упоминания о Николае I, отклики императора на произведения Пушкина и на просьбы поэта. В работе используются такие исторические документы, как «Процесс декабристов», «Выписки из писем Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к Императору Николаю I о Пушкине», «Дела III Отделения собственной Е. И. В. канцелярии об А. С. Пушкине», «Завещание Николая I сыну». И, конечно, стихи Пушкина. Охвачен период с начала 1826 года по 1837-й. Представленный материал свидетельствует о вполне установившихся отношениях Пушкина с царем и Бенкендорфом, позволявших поэту обращаться к ним с различными просьбами: с ходатайством о помощи вдове героя Отечественной войны 1812 года генерала Н. Раевского, оказавшейся в бедственном положении; за документальным подтверждением своей лояльности власти для успокоения Н. И. Гончаровой, опасавшейся, что ее будущий зять человек неблагонадежный; по поводу переплавки бронзовой скульптуры Екатерины II, принадлежащей деду невесты А. Гончарову, с расчетом получить деньги на приданое Наталье Николаевне. После женитьбы актуальными для Пушкина стали финансовые вопросы: имеющихся средств не хватало на поддержание великосветского образа жизни, на наряды жены. Вогман показывает житейского, запутавшегося в долгах поэта, которому царь одалживает деньги на льготных условиях, разрешает издать «Историю Пугачевского бунта» на казенный счет, выпускать — после проволочек — журнал «Современник». Не все просьбы Пушкина удовлетворялись: царь отказывает Пушкину в зачислении в действующую на Кавказе армию, в поездках в Европу. Вогман пишет и о непростых коллизиях с публикацией конкретных произведений поэта, о расследованиях «дела» о «Гавриилиаде» и дела о распространении стихов «На 14 декабря». Отмечает, что Пушкин ставил в заслугу императору установление четких правил в отношениях между российскими авторами, издателями и цензурой, которых до этого не существовало, — регламентирующий эти отношения Цензурный устав был введен в действие в 1826 году. Был ли Николай I ценителем творчества Пушкина? «Полтаву» он ставил выше «Евгения Онегина», жаждал прочесть «Клеветникам России», интересовался «Историей Пугачева». Часть текста из «Бориса Годунова», веро-

ятно, знал наизусть. В 1835 году перед опасной поездкой в Царство Польское он оставил завещание своему семнадцатилетнему сыну, будущему императору Александру II, порой дословно перекликающееся с пушкинским текстом завещания Бориса Годунова сыну Феодору. В отношениях царь—Пушкин постоянно фигурирует третья сторона — Бенкендорф. И дело не только в том, что поэт находился под постоянным надзором его агентов. Автор документально восстанавливает многолетний конфликт Пушкина и Ф. Булгарина, ставший причиной обострения отношений поэта с Бенкендорфом. Бенкендорф защищал Булгарина, негласного агента III Отделения, заняв сторону пушкинского врага, царь в этой схватке неоднократно выступал на стороне Пушкина. Так, критика Булгариным «Онегина» Николаю I не понравилась, о чем он сообщил Бенкендорфу. Ответ Бенкендорфа: «Приказания Вашего Величества исполнены: Булгарин не будет продолжать свою критику на Онегина». Николай признал справедливыми и критику Пушкина на роман Булгарина «Дмитрий Самозванец», и отповедь поэта «Моя родословная» в ответ на оскорбительные выпады Булгарина в адрес предков Пушкина. Через документы высвечивается эволюция отношений царь—поэт. При первой встрече Николай I произвел на Пушкина благоприятное впечатление, поэт рассчитывал на смягчение судьбы декабристов, среди которых было много его друзей и знакомых. Пушкин высоко, как геройские, оценил приезды царя на Сенную площадь во время холерных бунтов в столице, во взбунтовавшийся Аракчеевский полк. Пушкинская позиция по польскому вопросу полностью совпадала с официальной, он оставался государственным человеком. По мнению автора, события 1832 года: выговор за стихотворение «Анчар», закрытие журнала «Европеец», противодействие власти созданию собственного печатного издания, ухаживание царя за Натальей Николаевной, а позднее и ставшая явной перлюстрация его частных писем жене приводят поэта к трезвому осознанию своего действительного положения. Период оболъщения Николаем I закончился. Болезненно он воспринимает свое назначение камер-юнкером, хотя и постоянно оправдывая царя его благожелательным отношением к себе. Между Пушкиным и царем происходят мелкие стычки, касающиеся дворцового этикета и дворцовых обязанностей. Пушкин осознает, что попал в западню, он считает, что не должен был вступать в службу в качестве историографа с жалованьем, а тем более брать денежную ссуду. «Теперь они смотрят на меня как на холопа, с которым можно им поступать как им угодно», — пишет он жене. Просьбы об отставке (1834, 1835) потерпели фиаско. Обе стороны не были заинтересованы в них. Пушкин боялся лишиться доступа в архивы, Бенкендорф считал, что для власти нежелательно предоставлять поэту полную свободу. Что ожидали друг от друга поэт и царь? Пушкин надеялся воздействовать на царя в либеральном направлении. Император зывал к поэту: «...употребите отличные способности ваши на передавание потомству славы нашего Отечества, передав вместе бессмертию имя ваше». Благо государства они понимали по-разному.

В. Вогман развеивает устоявшиеся советские легенды. Его Пушкин — государственный, что «никогда не проповедовал ни возмущений, ни революции — напротив». Из показаний Пушина на допросе Николаем I: «Пушкин... был всегда противником тайных обществ и заговоров. Не говорил ли он о первых, что они крысоловки, а о последних, что они похожи на те скороспелые плоды, которые выращиваются в теплицах и которые губят дерево, поглощая его соки». Николай Вогмана, не уверенный в себе в начале и твердый и жесткий в дальнейшем, в своих личных отношениях с Пушкиным как монарх не раз проявлял к поэту расположение, неизменно оказывал ему поддержку в критических ситуациях, в том числе материальную, а после смерти поэта — его осиротевшей семье. В монографии воссоздается сложный и противоречивый облик поэта и весьма неожиданный облик сурового монарха.

Булат Окуджав. Из школы на фронт. Нас ждал огонь смертельный...

М.: Алгоритм, 2019. — 240 с. — (Серия: Моя война).

«До свидания, мальчики», «Бери шинель, пошли домой», рубленые строчки песни «Нам нужна одна победа» из фильма «Белорусский вокзал» (1970). Это песни «оттуда», из войны, создать такие мог только человек, имевший личный фронтовой опыт. Булат Окуджав (1924—1997) добровольцем ушел на войну в апреле 1942 года, был направлен на учебу в минометный дивизион, а через два месяца — на фронт в Закавказье. Был и минометчиком, и пулеметчиком ручного пулемета, и — после ранения под Моздоком — радистом тяжелой артиллерии. За боевые заслуги награжден медалью «За оборону Кавказа» и орденом Отечественной войны I степени. Сам он считал, что в чистом виде на фронте очень мало воевал, в основном скитался из части в часть. Он родился в 1924 году, 9 мая, на Арбате. Его родители приехали в Москву из Тбилиси для партийной учебы в Коммунистической академии, судьба их трагична: отца в 1937 году расстреляли по надуманному политическому обвинению, два брата отца также были расстреляны как сторонники Троцкого. Мать арестовали в 1938 году, отправили в лагерь в Караганду. В 1956 году родителей реабилитировали. Накануне войны Булат остался с бабушкой. «Жили мы впроголодь. Учился я плохо. Курить начал, пить, девки появились. Я стал дома деньги поворовывать на папиросы. Связался с темными ребятами». В конце 1940 года тетка забрала его к себе, он приехал в Тбилиси перед самой войной. Там его и застала война. Как и многие его сверстники, он сразу же начал проситься на фронт. «Пришел мой друг, Юрка Папинянц. — Ну, — сказал он, — в военкомат идешь? — Конечно, — сказал я, — пошли. По дороге я сказал: — Хорошо бы в один танковый экипаж попасть... — Хорошо бы, — сказал Юрка... Мы охаживали капитана Качарова. Он сначала орал на нас, топал ногами, потом привык и, чтобы отвязаться, поручил повестки разносить. Мы ходили по дворам. Нас били за эти повестки, бывало. Горесть приносили.... Я все ходил и ходил к военкому, надоедал. Наконец, этот Качаров не выдержал и сказал: „Вот вам повестки“ . Мы сели и сами себе их написали. Бедный капитан Качаров! Мы все-таки дожали его в один прекрасный день. Мне было 17 лет. Тетка моя всполошилась, сказала, что пойдет в военкомат, что все перевернет, что это безобразие. Я ей сказал: если она пойдет, я убегу из дома». В 10-м Отдельном запасном минометном дивизионе, расположенном в Кахетии, вчерашние девятиклассники и десятиклассники учились солдатскому ремеслу. «И мы вгрызаемся в грязь, в камни, в корни, и воздух насыщен сопением, звоном, чавканьем, выкриками сержанта, пронзительной музыкой, мечущейся над нами от зари до зари. Трудно сейчас представить, как я все это проделывал, как не отвалились руки, ноги. Я ли то был, тот кривоногий солдатик с оттопыренными ушами, выброшенный из домашнего убогого тепла прямо в ожесточенные пятерни сержанта Ланцова? Я ли то был? ...Да и самого себя вижу почти условно: так, некто нереальный семнадцатилетний, с тоненькой шейкой, в блеклых обмотках на кривых ножках, погруженный в шинель с чужого плеча; почему-то с карабином; почему-то делающий не то, что надо, и потому виноватый перед сержантом Ланцовым». Потом был фронт. «Первый день я попал на передовую. И я, и несколько моих товарищей, такие же, как я, семнадцатилетние, очень бодро и счастливо выглядели. И на груди у нас висели автоматы. И мы шли вперед в расположение нашей батареи. И уже представляли каждый в своем воображении, как мы сейчас будем прекрасно воевать и сражаться. И в тот самый момент, когда наши фантазии достигли кульминации, вдруг разорвалась мина, и мы все упали на землю, потому что полагалось падать. Но мы упали, как полагалось, а мина-то упала от нас на расстоянии полукилометра». Какая она, война Булата Окуджавы, его окопная правда? Он пишет

о детской наивности, о романтизме, быстро сошедшем на нет, о быстром взрослении, о страхе смерти и о любви. «В бок мне ударяет чем-то. Конец?.. Слышно: бегут. Это ко мне. Нет, мимо. Жив я! Мамочка моя милая... жив... Снова жив... Я жив... я еще жив... у меня во рту земля, а я жив... Это не меня убили... Всех. Подчистую. Один я остался». «Я познакомился с тобой, война. У меня на ладонях большие ссадины. В голове моей — шум. Спать хочется. Ты желаешь отучить меня от всего, к чему я привык? Ты хочешь научить меня подчиняться тебе беспрекословно? Крик командира — беги, исполняй, оглушительно рявкая „Есть!“ , падай, ползи, засыпай на ходу. Шуршание мины — зарывайся в землю, рой ее носом, руками, ногами, всем телом, не испытывая при этом страха, не задумываясь. Котелок с перловым супом — выделяй желудочный сок, готовься, урчи, насыщайся, вытирай ложку о траву. Гибнут друзья — рой могилу, сыпь землю, машинально стреляй в небо, три раза... Я многому уже научился. Как будто я не голоден. Как будто мне не холодно. Как будто мне никого не жалко. Только спать, спать, спать...» Война показана такой, какой ее увидели вчерашние школьники, чьи представления о ней порой далеко расходились с реальностью, война разбивала их иллюзии и меняла что-то в человеке раз и навсегда. Советский и российский поэт, бард, прозаик и сценарист, композитор, один из наиболее ярких представителей жанра авторской песни в 1960—1980-х годах писал, что «грустью и иронией, то есть моей творческой зрелостью, я обязан главным образом войне. На войне я рассердился на жестокость судьбы, незаслуженно похитившей близких мне людей, но вместе с тем научился великому чувству прощения и понимания... Война все время со мной: попал на нее в молодое, самое восприимчивое время, и она вошла в меня очень глубоко... Я ранен ею на всю жизнь, и до сих пор еще часто вижу во сне погибших товарищей, пепелища домов, развороченную воронками землю... Я ненавижу войну...» Воспоминания о войне продолжены рассказом о жизни и становлении поэта в первое послевоенное десятилетие.

Александр Олейников. Стихи о блокаде и войне. М.: Союз литераторов России, 2019. — 40 с. — (Серия «Память сердца»).

Александр Олейников родился в 1939 году в Ленинграде. Весной 1942 года был вывезен по Дороге жизни из блокадного города. С 1944 года живет в Москве. В предисловии он пишет: «С моей стороны было бы лицемерием сказать, что я перенес тяготы военной и послевоенной жизни. В начале войны мне было три года, и во время блокады и эвакуации я этих тягот не ощущал, лучшие куски и даже последние куски хлеба семья отдавала мне. В своих воспоминаниях моя мама пишет: „Стоит солнечная погода. Все тает. И я вывожу на остановке Сашеньку. Раздеваю его до пояса и быстро мою в талой воде, к ужасу баб и даже мамы. Саша веселенький. Что ему эвакуация? Запомнился он таким: синее зимнее пальто с черным воротником, белая вязаная шапочка с помпоном и ленточками под подбородком и валенки с галошками. Стоит подле вещей в Кабоне и весело давит галошками хрустящий лед на лужах. Вот тогда я и подумала: счастливый возраст!“ Кабона, это местечко на Большой Земле, где нас выгрузили из полуторки после переезда через Ладожское озеро по Дороге жизни. Во время блокады в Ленинграде умерли от истощения два моих деда. К счастью, из близких родных на фронте никто не погиб. Окончание войны меня застало в Москве, когда мы жили на Ленинградском шоссе возле стадиона „Динамо“ в полуподвальной квартире с печным отоплением двухэтажного деревянного домика. Так что, когда я утром 9 мая 1945 года услышал, как мой друг Саша Плющ победно поет: „Ура! Ура! Кончилась война!“ я просто надел штаны на лямках, перешагнул через подоконник и присоединился к другу. ...Я помню разговоры о новой войне перед смертью Сталина, и у меня есть

рассказ на тему, как мама, сохранявшая страх перед блокадным голодом, засушила сухарей. И наконец, уже сейчас, когда войны вспыхивают на земле то здесь, то там, и у наших границ, мои „военные ощущения“ видимо дают о себе знать. Поэтому у меня время от времени рождались стихи о блокаде и войне, и я собрал их в этом небольшом сборнике, посвященном 75-летию Победы». Что хранит память самых маленьких из поколения «детей войны»? А. Олейников помнит, «как мать вела меня к врачу / В мороз по Ленинграду. / Чтобы насквозь я не продрог, / Рукою нежной женской / Закутан в теплый был платок / Я вязки деревенской...», как «матрос нас обогнал / И чуть пройдя, не сразу, / Он вдруг большой сухарь достал / Из-под противогоза. ... / Присел и тот сухарь вручил / Мне в руки, мальчугану. .../ Тем сухарем матросик спас / Мою семью от смерти». Никогда не забыть, как «Под блокадным низким серым небом / Медленно шевелится змея. / Это вьется очередь за хлебом, / На который молится семья. / Будем вечно помнить эту пайку, / Что дала и выжить нам и жить. / Даже воробьев несчастных стайку / Ею нам сейчас не накормить». И надпись на северной стороне Невского проспекта со времен войны: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна» — напоминает о том, что и он когда-то попадал там под вражеский обстрел. И навсегда запечатлелась пронзительная сцена во время общего застолья, когда соседи совместно отмечали приход долгожданной победы, плясали под баян: «И вдруг поникшая вдова, / Не обретя румянец, / А повеяв плечом едва, / Одна пустилась в танец. / И баянист еще играл / Все тише и душевней, / А танец был, как ритуал, / Какой-то очень древний». «Уже давно нас немцы не бомбят. / Уже давно не падают снаряды. А у меня в душе еще горят, / Еще чадят Бадаевские склады». И именно поэтому столь остро воспринимает поэт происходящее здесь и сегодня, и в первую очередь события на вновь, как когда-то, полыхающей Украине. Снова война, уже не с внешним врагом, а братоубийственная. Обращения к воюющим прямые: «Дядьки, вы чего не поделили, / Что берете детство под прицел? / И сейчас среди домой горящих / Тот прицельно посланный снаряд / Различит ли русскоговорящих / С теми, кто на мове говорят?» И призыв к глубинной памяти народа: «Нам делить краюшку — не впервые / После всех отходов и атак — / И когда сдавали вместе Киев, / И когда сражались за рейхстаг. / И когда мы вместе щи хлебали, / И когда закладывали тол, / Мы не очень сильно различали, / Кто из нас москаль, а кто — хохол. / И горели в пекле Сталинграда, / И варились в харьковском „котле“. / Так что нам рассказывать не надо, / Что такое — братство на Земле. / Так давайте поклонимся дедам, / Что когда-то в землю полегли, / Общим поражениям и победам / Нашей общей матушки-земли». Тема той Великой войны, благодарности рядовым бессмертного полка остается главной в стихотворениях сборника. В разноголосице современных оценок и переоценок Великой Отечественной войны не кажется странным вопрос автора: «Узнать бы правду о войне, / Какая ты, война? / Но почему-то мнится мне, / Что, правда — не одна. / И почему-то мнится мне, / Скажу вам, не тая, / Что эта правда о войне / У каждого — своя. / И маршал тоже воевал, / Раз грудь полна наград. / Но очень редко долетал / До маршала снаряд. / А тот, кто встретился в бою / Лицом к лицу с врагом, / Расскажет правду вам свою, / Но только — о другом. / Он вспомнит кровь и грязь, и смрад, / И как он волком выл. / ...Он рассказал бы, да снаряд / Тогда его накрыл. / А я в войну был слишком мал. / Что про войну мог знать? / И даже я не понимал, / Что значит — погибать. / Так, у кого же мне узнать / Всю правду про войну? / Что просит внук мой рассказать, / Когда идет ко сну». Ответ — в стихах самого Олейникова. Да, «Я был тогда и глуп, и мал, / Не уходил от мамы. / И никогда не получал / Наркомовские граммы. / Но был замерзший Ленинград, / И голод, и осада. / И забывать весь этот ад / Нам никогда не надо». Именно он и является хранителем правды, ее маленькой частицы, из которых и складывается память народа.

Святой Александр Невский. 800 лет: Сборник. М.: Абрис, 2018. — 256 с.: ил. — (История России).

Александр Ярославич (1220, 1221?—1263) княжил в сложный исторический момент, когда Русь, раздираемая внутренними междоусобицами, оказалась под ударами внешних врагов: с юго-востока ей угрожали кочевники, с северо-запада — крестоносцы. В 1240 году огромное шведское войско вошло в Неву. Князь новгородский не стал ждать, когда соберется рать, и призвал малую дружину выступить в поход. «Не в силе Бог, а в правде!» — объяснил он свое решение. Шведы были разбиты. За Александром утвердилось имя Невский. Прославление Александра как местного святого началось еще в 1380 году, почитание как святого всей земли Русской было провозглашено на Московском соборе в 1547 году. Чудесные видения во Владимирской церкви Рождества Пресвятой Богородицы у гроба Александра Невского в канун Куликовской битвы, перед походом Ивана Грозного на Казань позволяли современникам говорить о покровительстве князя в решающих битвах. Весной 1703 года русские войска взяли шведскую крепость Ниеншанц на невом берегу. Но неожиданно в устье Невы появилась грозная шведская эскадра. Несмотря на возражения Шереметева, Петр I решил немедленно атаковать неприятеля на рыбацких лодках, уповая лишь на поддержку своего небесного помощника Александра Невского. «Кто верой живет православной, / Любые преграды прейдет. / Святой Александр державный / Сегодня нас в бой поведет» («Невская оратория»). В честь победы Петр I велел отчеканить медаль с надписью «Небывалое бывает». В годы Великой Отечественной войны был учрежден боевой орден Александра Невского, которым наградили сорок с лишним тысяч советских офицеров за личную отвагу и храбрость. В книгу вошли как известные, так и редкие, уникальные произведения. Среди них первые стихотворные переводы древнерусской песни «Слово о погибели Русской земли» (1238) и «Старшей ливонской рифмованной хроники» XIII века, сделанные составителем сборника Евгением Лукиным. В переложении Е. Лукина напечатаны «Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра Невского», первое жизнеописание Александра Невского, к созданию которого, возможно, причастен ближайший сподвижник князя митрополит Кирилл, III глава из книги «Ядро российской истории» русского дипломата А. Маникеева (1715). Библиографической редкостью является первая светская биография Александра Невского Ф. Туманского (1789). Впервые переиздается первое подробное жизнеописание Александра Невского, написанное профессиональным военным историком А. Петрушевским (1867). Включены труды русских историков XIX—XX веков Д. Иловайского и Н. Клепинина, поэтические произведения А. Майкова и Л. Мея. Впервые переиздается очерк С. Аннинского (1942, серия «Наши великие предки»), где историк призывал воинов Красной армии следовать примеру Александра Невского и беспощадно громить врага — «озверелую орду гитлеровских убийц». Завершает издание либретто «Невской оратории» современного петербургского поэта и составителя сборника Евгения Лукина, посвященная победам Александра Невского и Петра I на невых берегах. Материалы уникальны. Из уст современника князя можно узнать, как Александр Невский выглядел, какие подвиги совершили названные поименно герои 1240 года, какие чудеса сопровождали князя. Например, видение старцу Пелгусию в канун Невской битвы: «И признал в них Пелгусий святого Бориса и Глеба. / Говорят меж собою Есть! „на эту на ночь / Александрю, любезному брату, нам надо помочь! / Похваляются все кичливые шведы, / Что возьмут Новоград. Да не ведать неверным победы: / Их ладьи и их шнеки размечет Нева....» (Л. Мей). В трудах историков подробно изложены детали битв, не только известных, как Невская и на Чудском озере, но и малоизвест-

ных нам, снискавших князю-победителю уважение современников. Много внимания уделено новгородским смутам и почти непрерывной борьбе веча с княжеской властью, что «немало способствовали развитию той выдержанности характера и той гибкости, которыми отличается вся его последующая деятельность» (Д. Иловайский). Подробно — об отношениях с Западом (шведы, немцы, Литва, римские папы) и с ордой. Одним, желавшим завоевать невшское побережье и захватить главный путь новгородской торговли с Северо-Западной Европой, заставить «признать своей матерью Церковь Римскую», Александр давал резкий отпор; других, желая сохранить покой Руси, старался удержать от набегов, ездил в орду, чтобы «отмолить людей от беды», чтобы без страшных последствий осталось побиение басурманских откупщиков, послушание ханского приказа о посылке русской рати для походов орды, не раз приходилось успокаивать и собственный, отнюдь не безмолвный народ. Он видел, что на Западе процветала религиозная нетерпимость, немцы угрозами и насилеиом крестили язычников, а в монгольской империи мирно уживались и мусульмане, и христиане, и буддисты, и язычники. Сегодня мы сказали бы, что русский князь предпочел свободу совести. В оценках потомков высвечиваются масштаб личности Александра Невского и его заслуги, в конечном итоге благодаря ему монголо-татары не тронули ни православия, ни политического строя Руси, отстранившись от вмешательства в ее внутренние дела и оставив власть в руках местных княжеских родов. «Александр Ярославич принадлежал к тем историческим деятелям Северной Руси, в которых наиболее отразились основные черты великорусской народности: практический ум, твердость воли и гибкость характера, или умение сообразовываться с обстоятельствами». Не раз историками подчеркивается ключевая роль Александра Невского в определении нашего цивилизационного выбора, благодаря которому мощная монгольская государственность исподволь преобразовалась в великую русскую державу и на просторах Евразии возникла самая большая страна в мире. Книга богато иллюстрирована репродукциями икон, мозаик, фресок, настенных росписей, картин русских художников, миниатюрами. Включены в нее и емкие очерки об авторах книги.

Александр Занемонец. Святая Земля и Русское Зарубежье. СПб.: Алетейя, 2019. — 152 с.: ил.

Новый для себя христианский мир русские стали познавать после Крещения Руси, средневековых паломников влекли к себе Святая Земля и Иерусалим, где происходили основные события Ветхого Завета и Евангелия, жили Христос, Богородица и апостолы. Первым русским паломником, оставившим описание своего путешествия, был игумен Даниил. Он посетил Святую Землю в начале XII века и провел там среди крестоносцев 16 месяцев. Его «Хождение» — один из лучших образцов древнерусской литературы. После игумена Даниила Святую Землю посетила во второй половине XII века святая княжна Евфросиния Полоцкая. Ее паломничество отражено в житийной литературе. Православный диакон, клирик храма Господня в Иерусалиме Александр Занемонец освещает историю русского присутствия на Святой Земле от древности до наших дней. Важной вехой стало создание (при поддержке МИДа Российской империи) в 1847 году Русской духовной миссии в Иерусалиме для содействия укреплению православия на Святой Земле, поддержания братских отношений с Иерусалимской православной церковью, а также для помощи русским паломникам. Первая Русская миссия пробыла в Иерусалиме семь лет (1847—1854) и была прервана Крымской войной. После Крымской войны Русская духовная миссия вернулась в Иерусалим, но долгие годы ее сотрясали конфликты: с русским МИДом, с Иерусалимским патриархом,

между сотрудниками и начальником миссии. Ситуацию изменил в середине 60-х годов о. Антонин (Капустин, 1817—1894), который умел совмещать собственную инициативу с тонким лавированием между российским Синодом и МИДом. При его же содействии в 1882 году было учреждено Императорское православное палестинское общество (ИППО), возглавил которое брат царя, великий князь Сергей Александрович. К началу Первой мировой войны Духовная миссия владела тридцатью семью участками, восемью церквями и несколькими часовнями, двумя женскими монастырями, пятью больницами, семью гостиницами для паломников и почти сотней школ. Одной из главных задач миссии наряду с приемом русских паломников являлось образование православных арабов. Основная тема исследования А. Занемонца: Русская православная церковь на Святой Земле в XX веке и роль русских эмигрантов в сохранении русского присутствия на Святой Земле. Для Русской Палестины «не календарный, настоящий XX век» заявил о себе в августе 1914 года, с началом Первой мировой войны. Русские подданные на Святой Земле стали подданными враждебного государства — Османской империи, воевавшей против России. А. Занемонец подробно пишет о сложностях выживания миссии под османской властью, в условиях британского управления Палестиной, зарождения арабско-еврейского конфликта в годы Второй мировой войны в государстве Израиль. О том, как выживала она при практическом отсутствии финансирования, как решались вопросы собственности, права на которую еще в 1923 году заявило новое государство СССР, как шло налаживание связей с Русской зарубежной церковью. Благодаря русскому зарубежью русское православное присутствие в Иерусалиме ни на минуту не прерывалось, а Русская духовная миссия и общественные организации на Святой Земле смогли продолжить свое служение. На Святой Земле возникали новые общины, подчиненные Русской миссии. Одну из них, Гефсиманский монастырь, основали две шотландские монахини, перешедшие в православие. И сегодня там единственная русская школа и детский приют для арабских девочек на Святой Земле. Русская миссия на Святой Земле — это и выдающихся православных деятелей, яркие портреты которых дает автор отец Антонин (Капустин, 1817—1894), стоявший во главе Русской духовной миссии почти тридцать лет (1865—1894). Большинство храмов, монастырей и других русских построек, сохранившихся и по сей день, воздвигнуто при его личном участии. Большая часть земельных участков, и ныне принадлежащих русской церкви, куплена им. Три из пяти русских монастырей, находящихся в наше время на Святой Земле, также основаны о. Антонином. Храмостроителем был о. Леонид (Сенцов, 1868—1918), последний начальник РДМ перед революцией. Все годы своего начальствования он реализовывал свою главную цель: построить храмы на тех русских участках, где храма еще нет, маленькие заменить большими. Благодаря митрополиту Антонию (Храповицкому, 1863—1936), главе русского зарубежного синода, посетившему в 1924 году Иерусалим, «русская Палестина» стала частью русского зарубежья. Епископ Мефодий (Кульман, 1902—1974), большую часть жизни проведший во Франции, посетив с католическими паломниками Святую Землю, увидел нищету русских монастырей. Он стал организатором паломничества на Святую Землю из русского зарубежья. В 1950—1970-х годах материальная помощь паломников стала основным источником средств для русских обитателей. Русские паломники поддерживали и больницу, и школу в Вифании. Выдержки из дневников, записок, воспоминаний русских насельников Святой Земли придают выразительность тексту. В 2007 году произошло восстановление евхаристического общения между РПЦЗ и церковью в отчестве, они теперь находятся друг с другом в молитвенном и евхаристическом общении, но административно сохраняют полную независимость. В настоящее время в Иерусалиме параллельно действуют две Русские духовные миссии: Миссия Московского патриархата

и Миссия РПЦЗ. Книга основана на работе с архивами России, Израиля, Франции, Германии, в меньшей мере — Соединенных Штатов Америки, и, конечно же, на общении со многими из русских эмигрантов, еще заставших те времена, о которых рассказывается в этой книге.

Андрей Захаров, Валентина Николаева. «Немедленно отправить фрегат в Любек»: как поступила в Эрмитаж коллекция картин графа Брюля. СПб.: Лигр, 2019. — 256 с.: ил. — (Библиотека всемирного клуба петербуржцев).

Коллекция картин графа Брюля, закупленная Екатериной II, — крупнейшая зарубежная покупка живописи в истории Государственного Эрмитажа. В нее входило более 600 полотен. Знаменитое саксонское собрание включало картины Рембрандта, работы крупных мастеров голландской живописи XVII века, произведения Рубенса, полотна Ватто. С этой коллекцией в Эрмитаж поступила серия видов Дрездена и Пирны, исполненная по заказу графа итальянским художником Белотто. Граф Генрих фон Брюль (1700—1763), первый министр короля польского и курфюрста саксонского Августа III, обладал практически неограниченной властью и доступом к казне. Приобретая на европейском художественном рынке произведения искусства для Дрезденской галереи своего курфюрста, пополнял и личную. Его расточительство и роскошный образ жизни привели к тому, что в Семилетнюю войну Саксония вступила с пустой казной и недееспособной армией. В 1763 году граф скончался, оставив многочисленные проблемы разоренной стране и наследникам. Сменивший Августа III принц Ксаверий велел конфисковать имения Брюля и провести расследование, окончившееся, впрочем, тем, что сыновья Брюля получили их обратно. И сразу же, 1 марта 1768 года от посланника при саксонском дворе князя А. Белосельского в Санкт-Петербург последовало донесение графу Н. Панину, что секвестр с наследства снят и наследники графа Брюля готовы расстаться с коллекцией. Реакция Екатерины на возможность приобретения одной из лучших европейских коллекций живописи была молниеносной, на донесении есть запись рукой императрицы: «Картины, натуральный кабинет и оружие. Желая иметь каталог. А также хочется знать оптом ли продадут и что чего будет стоить». Вскоре поступает распоряжение Панину: «Граф Никита Иванович Возьмите из моего кабинета рублями столько сколько надобно будет чтоб заплатить Галерея картин Бриля коя Князем Белосельским сторговано за сто восемьдесят тысячи голландских гульденов. Екатерина». Коллекция была куплена в июле 1768 года за 90 000 рублей. С тратами Екатерина II, стремясь показать Европе, что Россия «способна... конкурировать блеском своей цивилизации с любым европейским государством», не считалась, ее посланники и агенты давно отслеживали готовящиеся к продаже произведения искусства, сообщали о них в Петербург и получали оттуда инструкции о дальнейших действиях. Для доставки коллекции государыня приказала направить в Любек военный корабль — фрегат и назначить на него опытного капитана. Морской путь считался более безопасным и позволял избегать многочисленных таможен. Кандидат технических наук А. Захаров и искусствовед В. Николаева тщательно проследили последовательность событий, связанных с покупкой картин графа Брюля. Подробно исследованы переписка между российским посланником в Дрездене князем А. Белосельским и старшим членом Коллегии иностранных дел Н. Паниным по покупке картин Брюля, указания Екатерины, обнаружены документы, дополняющие переписку. Рассмотрены непростые финансовые операции, связанные с приобретением и доставкой картин. Авторам удалось выявить в отечественных архивах новые документы, большинство из которых вводится в научный оборот впервые. Особую ценность представ-

вили материалы, обнаруженные в Российском государственном военно-морском архиве. Они позволили авторам раскрыть неизвестную страницу истории отечественного военно-морского флота: доставку коллекции живописи на военном корабле — фрегате «Святой Сергий». Подготовка корабля к походу на два-три месяца, подбор экипажа, запасы воды, провизии, пороха сопровождалась изданием указов, подачей рапортов и прочей служебной перепиской. Вот эти документы и удалось обнаружить. Сохранился и шканечный журнал фрегата. Авторы получили уникальную возможность подробно описать подготовку к его отправке, переход до Любека, ожидание там и возвращение с картинами на Кронштадтский рейд. История доставки коллекции картин графа Брюля восстановлена с точностью до одного часа. Окончательно доказано, что коллекция была приобретена для Эрмитажа в июле 1768 года и 21 сентября того же года в третьем часу пополудни привезена в Кронштадт на русском фрегате «Святой Сергий» под командованием капитана 1-го ранга Федора Степановича Плещеева. Это принципиально: до недавнего времени не было ясности, в каком году произошла закупка коллекции: в 1768 году или 1769-м. Авторам удалось доказать, что графическое наследие из коллекции Генриха Брюля, легшее в основание эрмитажной коллекции, поступило в 1769 году. В книге много колоритных подробностей, экскурсов, отступлений.

Обширны приложения. Представлен список членов экипажа фрегата «Святой Сергий» — от командиров до юнг, ходивших на нем в Любек в 1768 году.

В биографическом справочнике собраны сведения о многих лицах, имеющих то или иное отношение к коллекции, их имена присутствуют в тексте. Среди них и Я. Штелин (1709—1785), автор первых описаний художественных коллекций Петербурга и пригородных дворцов. Сегодня можно лишь приблизительно сказать, что входило в коллекцию, каталог, предоставленный в апреле 1768 года Екатерине с ее пометками, исчез, произведения из коллекции передавались в другие музеи, продавались. И именно рукописные материалы Я. Штелина помогают составить представление о коллекции. Среди персоналий и Л. К. Пфандцельт (1716—1786), первый хранитель и реставратор живописи Эрмитажа, который несколько лет реставрировал картины из коллекции Брюля, и, по свидетельству Я. Штелина, «и сама Императрица часто целыми часами чистила их». И, конечно, капитан фрегата «Святой Сергий» Федор Степанович Плещеев (?—1770), погибший при взрыве своего корабля в Чесменском сражении. Есть и словари морских терминов и географических названий. Исследование А. Захарова и В. Николаевой сродни детективу: здесь также выдвигаются версии, ищутся доказательства, которые их подтверждают или опровергают, делается окончательный вывод.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург, Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)